

СМЕНА

13

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«ЧЕХОВ — ЭТО ПУШКИН В ПРОЗЕ»

Летом 1895 года Чехов впервые гостил у Льва Толстого и, как он сообщила знакомым, «прожил у него 1½ суток». Письмо Чехова об этой встрече проникнуто радостным настроением: «Впечатление чудесное. Я чувствовала себя легко, как дома, и разговоры наши с Львом Николаевичем были легки».

Толстому Чехов также «пришелся по душе». «Чехов был у нас, и он понравился мне, — писала Толстой одному из сыновей. — Он очень добрый, а сердце у него, должно быть, доброе».

В дневниках и письмах Толстого можно найти положительные отзывы о многих повестях и рассказах Чехова. Чехов, привлекавший внимание Льва Николаевича еще в 1889 году, становится одним из любимых его писателей. В 1905 году Толстой составил список извлекших «30 хороших рассказов Чехова». Незадолго перед этим Лев Николаевич написал свое послесловие к чеховскому рассказу «Душечка». Много раз он писал «Душечку» вслух в кругу родных и знакомых и неизменно был глубоко взволнован содержанием рассказа и восхищен мастерством писателя.

«Чехов — несравненный художник, — говорил Толстой. — Да, да, именно: несравненный художник жизни... Главное же, он был искренен. А это — великое достоинство в писателе. И благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершен-

ные новье, по-моему, для всего мира формы писания, подобных которым я не встречал нигде. Его язык удивительен».

Восторгаясь художественным мастерством Чехова, Толстой давал ему высочайшую оценку: «Чехов — это Пушкин в прозе». Лев Николаевич указывал, что у Чехова «необыкновенная техника реализма», что в его произведениях «все правдиво до малявки».

Но, отдавая должное таланту Чехова, Толстой, как известно, «не принимал» его пьес. В январе 1900 года Льва Николаевича пригласили в Московский Художественный театр на спектакль «Дядя Ваня». Он посмотрел пьесу и записал в дневнике: «Едва смотрел. Дядю Ваню и возмущался. Хотел написать драму Трупа, написал конспект». Эта изумительная толстовская пьеса, названная впоследствии «Живой трупа», наряду с «Дядей Ваней» и другими чеховскими пьесами не сходит со сцены наших театров.

Почему же Толстой отказывался «принять» драматургию Чехова? «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» казались ему произведениями без действия, произведениями, герои которых лишь говорят о своих настроениях и переживаниях. Впрочем, Толстой признавался, что он плохо знает среду, где живут герои чеховских пьес.

Один из современных писателей, П. П. Гнедич, записал свой разговор с Антоном Пав-

А. П. Чехов и Л. Н. Толстой в Гаспре, 1902 год.

ловичем об отношении Толстого к чеховским пьесам:

«— Вы знаете, он не любит моих пьес — уверяет, что я не драматург! Только одно утешение у меня и есть...

— Какое?

«— Он мне раз сказал: «Вы знаете, я герцог не могу Шекспира, — но ваши пьесы еще хуже. Шекспир все-таки хваляет читателя за шиворот и ведет его к известной цели, не позволяя свернуть в сторону. А куда с вашими героями деться? С дивана, где они лежат, — до чулана и обратно!»

И сдержанный, спокойный Антон Павлович откидывает назад голову и смеется так, что пенсне падает с его носа.»

Пытая взаимное уважение, Толстой и Чехов находили друг у друга такие стороны, которые они осуждали. Толстой, например, горчался тем, что Чехов, по его выражению, был «совершенный безбожник», а Чехов твердо выражал свое несогласие с толстовским «всучуцием».

Но Чехов сумел отделить от реакционных религиозно-философских воззрений Толстого здоровое начало в его творчестве.

Смелая, беспощадная критика, которую Толстой в своих произведениях обрушивал на самодержавие, казенную церковь и правящие классы буржуазного общества, вызывала у Чехова глубочайшие симпатии к великому художнику.

«Надо, — писал Антон Павлович, — иметь смелость и авторитет Толстого, чтобы идти наперекор великим запрещениям и настроениям и делать то, что велит долг».

Свое отношение к Толстому Чехов высказал словами: «Я ни одного человека не любил так, как его...» А о любви Толстого к Чехову мы знаем не только из писем и дневников Льва Николаевича, но и из многочисленных воспоминаний о нем. Особенно хорошо рассказывал об их взаимоотношениях Горький. «Чехова он любил всегда», — свидетельствует Алексей Максимович.

Кстати, именно Чехов обратил внимание Толстого на самые ранние произведения Горького, а затем познакомил писателя. Встречи Толстого, Чехова и Горького в самом начале XX века — одна из самых значительных и волнующих страниц истории нашей литературы. Встретились корифей русской классической литературы XIX века с молодым буревестником пролетарской революции — родоначальником литературы социалистического реализма.

В руках «настоящего человека из народа», как назвала Горького Лев Толстой, классическая русская литература в лице Толстого и Чехова передавала свои великие традиции и заветы.

К. ЛОМУНОВ